

Маша Конторович

Родилась в 1994 году. Драматург, ученица Николая Коляды. Победитель и участник многих конкурсов драматургии. Пьесы опубликованы в коллективных сборниках и журналах «Урал», «Традиции & Авангард». Является автором собственного образовательного курса «12 часов с драматургом», с которым она объездила многие города России. Куратор различных фестивалей и лабораторий современного театра и современной драматургии. Живет в Екатеринбурге.

Кот икает и пукает одновременно

Пьеса о том, как важно выключить смешные видосики
вовремя и начать что-то делать

Действующие лица

СОФКА – 25 лет, сестра

БОРЬКА – 15 лет, брат

ОЛЬГА – 45 лет, мама

ИГОРЬ – 45 лет, папа

АГАТА – 17 лет, юность

КОСТИК – 27 лет, любовка

ЛАРИСА – 65 лет, ни фиги не юность

1

Май. Двор. Качели. Большие, на цепях. На них прямо лежать можно, даже вдвоем. Борька и Агата лежат на этих качелях. А г а т а отталкивается иногда ногой, и они с Борькой покачиваются. Смотрят в небо. А небо такое ясное еще. Тепло. Вот не жарко, а именно тепло. Таких дней обычно очень мало. Надо ценить каждое мгновение. У Борьки в руке большая пластиковая полтораха пива, самого дешевого. Но не потому, что они нищоброды, а потому, что это стильненько и модно – косить под гопоту. Бутылка бороздит туда-сюда, в грязном песке остается небольшая ямка от этого.

А Г А Т А. Недавно сижу такая залипаю в телефон, статьи всякие читала, ну научные типа. Я люблю всякое, что со звездами связано. Илон Маск вообще мой кумир. Не, замуж я бы за него не вышла. На фиг мне проблемы эти

все! Но вот чисто руку пожать – да. Ну вот листаю. А там что-то про то, как от ВИЧ люди вылечиваются, про новые разработки каких-то танков, про какие-то спутники, которые полетят или не полетят, про какие-то исчезающие виды животных. Еще было про то, что клетки мамонтов оживили. А еще была статья про то, что люди, которые чисто заголовки читают, считают, что более осведомлены обо всяких новостях или проблемах, чем те, которые читают сами статьи. Нет, ну правда, нереально же прочитать вот это все бешеное количество статей! Ну как вообще? Ну короч... вот. Еще там статья была про хакера одного, который заявил, что мир – это симуляция, и что он намеревается выбраться из нее. Нет, я осведомленная так-то. Много мыслей на эту тему всякие ученые выдают. Прикольно. А тут же еще рядом статья была про то, как физики вернули на какую-то супермаленькую долю секунды время назад на кварцевых часах. И вот как теперь жить с этой информацией? И там еще было сказано, что в расчетах вообще не важно, в какую сторону идет время. И так и так верно! Отмотать бы все назад вот... Ну или из симуляции выйти. А мой любимый Илон Маск говорит тоже, что наша Земля – это типа суперсложная версия игры «Симс». И что какой-то сложный организм, разум, компьютер или просто случайная система будто играют. Так странно. Так долго человечество отходило от бога какого-то. А тут обратно возвращается. Дичь вообще! Я потому что вот абсолютно не верю во всякие силы там свыше, в судьбу какую-то. Все капец как случайно! Случайно мы появились. Случайно так вышло, что Земля аккуратно так расположена, что на ней жизнь завелась. Случайно эволюция произошла. И происходит, кстати. И то, что я по городу слоняюсь, что просыпаюсь каждое утро, что в поезде еду, что переплываю речку, что кошку завожу, что винчик покупаю вечером – это все такая слу-

чайность, что с ума сойти! А мы живем, и как будто так и должно быть. А ни фига не так. Хотя так-то мне иногда кажется, что кто-то мне в уши шепчет, чего делать надо. Я не слышу голоса, со мной все хорошо! Просто утром мысль: иди на кладбище. И вот могу что угодно сделать, чтобы не идти и мысль прогнать. Но она замучает и заставит сделать то, что надо. Я сделаю. Абсолютно бессмысленное действие. А по пути что-то произойдет. Что-то важное для моей жизни, для меня. Что-то маленькое, незаметное. Я кого-то встречу по пути. Или мне кто-то позвонит, напишет. Или я увижу чего. Ну и все. И жизнь меняется. И вот как не подозревать после такого мир в измене науке? Как будто я ничего не значу. Будто я просто безвольная девчонка какая! Так и есть, конечно. Но, блин, я иду такая по улице, вижу красивых мужчин и женщин. Детей. И мне так хочется быть важной для всех. Так хочется всем помочь! Особенно когда не по центру города идешь, а где-то, где реально жить страшно. И так хочется помочь. Но чет не выходит. И ты такая идешь просто к себе домой обратно в центр. А потом в пабликах всяких сидишь и ржешь над тем, как храм очередной хотят построить, как людей на митинг зазывают за три соточки... И такая сидишь и кайфуешь, что у тебя все норм. Ну и немного подгорает, что жить в Рашке – капец полный. Ты-то элита. Ты-то не из рабоче-крестьянской семьи. Ты-то с высшим образованием – ну скоро будет у меня, ваще всяко мамка заставит – и постишь годные мемы. И в разговоре с друзьями поддакиваете друг другу: «Надо валить! Да, надо валить!» Социалочка – это, конечно, круто, но я про другое хочу. Я хочу... на самом деле я хочу, чтобы просто все говорили мне, какая я клевенькая, какая я молодец. Чтобы хвалили меня. И мясо жареное есть. Чтобы не было стыдно перед друзьями-веганами, когда себе котлеты жарить. И чтобы страшно не было. Жить

как-то из-за страха не хочется. Хочется, чтобы все поскорее закончилось. Так страшно что-то делать! А все стоит на месте и не заканчивается. Поэтому приходится бежать. И кажется, что если сбежишь, то все закончится. Кажется, что если не останавливаться, если бежать, спотыкаться, но сразу вставать и бежать-бежать, то никогда не постареешь. Время не догонит тебя. Потому что физики его отмотают назад на своих кварцевых часах. И ты наконец-то выберешься из этой симуляции...

БОРЬКА. Агата...

АГАТА. Че?

БОРЬКА. Ты клевенькая.

АГАТА. Нет, Борька, просто я юность.

2

Раннее утро. Птицы уже поют, рассвет уже лупит со всей силы. В комнате продолжает орать будильник. Если Софка его выключит – уснет. Засыпать нельзя: мамка убьет. Софке уже двадцать пять. Она живет отдельно, но мамка все равно убьет. Признаться честно, Софка вчера пила, ну как, выпивала. Ей необходима была смелость и уверенность в себе для того, чтобы поменять на заборе имя одного своего бывшего на имя другого своего бывшего. У нормальных людей напоминания на холодильнике или в телефоне, а у Софки на заборе прямо под ее окнами. Работает безотказно. Софка стоит в одном длинном растянутом свитере перед плитой. На плите свистит чайник. Софка залипла. А под окном надпись на зеленом заборе: «Рома, ты мудак». Под именем «Рома» предыдущее имя закрашено коричневой краской. Ну, какая была, собственно. Наконец-то Софка отлипает от своего напоминания. Она вытягивает рукав кофты так, чтобы можно было поднять горячий чайник, наливает в кружку кипятка. А за окном все так же красуется: «Рома, ты мудак». Умеет Софка делать себе напоминания...

С О Ф К А. Сука. Утро.

В домофон звонят. С о ф к а снимает трубку, не слушая открывает. Пока к ней поднимаются, натягивает джинсы. Входная дверь приоткрывается, оттуда выглядывает Игорь. Это ее папа.

ИГОРЬ. Можно?

СОФКА. А че нет?

Игорь заходит, тихонечко закрывает за собой дверь, мнетса на пороге.

Пап, проходи, чайник горячий.

ИГОРЬ (смотрит себе под ноги). Натоптал тут тебе...

СОФКА. Я месяц уже пол не мыла.

ИГОРЬ. Ну все равно...

СОФКА. Папа, у нас есть еще время. Пройди. Мамка не убьет.

ИГОРЬ (снимает ботинки). Соф...

СОФКА. А?

ИГОРЬ. У тебя есть тапки тут?

СОФКА. Пап, не холодно.

ИГОРЬ. Ну... у меня ноги немного... Неудобно как-то...

СОФКА. Вот.

ИГОРЬ. Спасибо...

СОФКА. Расслабься. Тут нет никого. Я одна живу.

ИГОРЬ. Там хулиганы какие-то опять тебе весь забор исписали.

СОФКА. Такие хулиганы – поймать никак не могу! Чай иди пей уже!

ИГОРЬ. Ну минут пять есть...

СОФКА. Че, опять мамка орала?

ИГОРЬ. Ну не называй ее так, она все-таки мама твоя, моя жена. Как-то не очень хорошо.

СОФКА. С Таней поссорился?

ИГОРЬ (поперхнулся чаем). Ты... как?

СОФКА. Пап, я взрослая, мне двадцать пять. Я че, не замечу, когда у моего папы любовница появится? Ну че совсем-то? Я никому не говорила.

ИГОРЬ. Мы сейчас опоздаем – и все. Мама нас с тобой обоих убьет.

СОФКА. Это не хулиганы забор... Это я.

ИГОРЬ. Ну ты поосторожней тогда... Там же и увидеть могут. У тебя соседи тут какие-то не очень.

СОФКА. Нормально все. Так что?

ИГОРЬ. Ну мы взрослые...

СОФКА. Я тоже взрослая. Меня вчера бросили.

ИГОРЬ. Ну он сам не знает, какое счастье потерял! Ты еще молодая у нас, еще красивая, у тебя еще много их будет!

СОФКА. Ну да. Еще молодая и еще красивая. А Танька твоя как бучиха выглядит вообще! И не надо там с ней дальше, ок? Мамка тоже не с обложки. И подбешивает, но всяко лучше вариант.

ИГОРЬ. Ну что ты такими словами говоришь? Мы сейчас опоздаем. И никуда не уедем. Нас с тобой мама съест!

СОФКА. Расстались?

ИГОРЬ. Ну да, если так интересуется!

СОФКА. Ну и хорошо.

ИГОРЬ. Маме только не говори...

СОФКА. Приглашаю сегодня на вечеринку одиноких сердец!

ИГОРЬ. Ну... у меня работа...

СОФКА. Твоей дочери сердце разбили, але!

Молчание.

ИГОРЬ (хлебнув чаю). Тогда я сам место выберу.

СОФКА. Когда вам с мамой было по двадцать пять, у вас уже я маленькая бегала...

ИГОРЬ. Ты просто умнее нас. Мы дикие были совсем. Не надо торопиться.

СОФКА. Поехали уже.

ИГОРЬ. Опоздаем.

СОФКА. На меня сейчас никто не зарится, а потом? Че вот потом?

ИГОРЬ. Мы с мамой еще слишком молоды для бабушки и дедушки.

СОФКА. А я тоже слишком молода?

Пауза.

Хотя вот ты же позарился на Таньку, а она капец, ну просто капец... Папа, короч... Я тебя сегодня вечером научу с девчонками норм знакомиться. Ты же нормальный у меня вообще! Ты просто... ну... ведешь себя так, а так-то норм. Тебя моя подруга одна даже назвала ничего таким. А для человека сорока пяти лет это высшая похвала внешности.

ИГОРЬ. Ну мама же...

СОФКА. А с Танькой так пофиг на мамку? Я клевая?

ИГОРЬ. Конечно... Давай пойдем уже?

СОФКА. Вот, у клевой Софки должен быть клевый папка. Ясно?

ИГОРЬ. Да... конечно...

СОФКА. Я готова, ну?

лов сидят Ольга, Игорь, Софка и Борька. Борьке меньше восемнадцати, поэтому он не заполняет бумаги, а просто залипает в телефон.

СОФКА. А тут национальность надо указать... Я себя ощущаю дитем дружбы народов, я же могу так написать?

ОЛЬГА. Я сказала, мы евреи.

СОФКА. Ага, тем более ты.

ОЛЬГА. Мы евреи, я сказала.

СОФКА. Ты как хочешь, а я дитя дружбы народов!

ОЛЬГА. Я тебя убью, если там неправильно напишешь!

СОФКА. Мам! Это национальность. Как ее можно правильно написать? Это только мои личные ощущения!

ИГОРЬ. Девочки, ну не ссорьтесь. Софа, ну напиши, что еврейка, жалко, что ли?

СОФКА. Борька, а ты кто?

БОРЬКА. Межгалактический страж.

СОФКА. Видишь? А Борька у нас межгалактический страж! Пап?

ИГОРЬ. Ну мы же евреи... Ну фамилия еврейская... Я вот написал как надо...

СОФКА. Окей. Раз так... *(Достает из сумочки желтую звезду Давида, цепляет ее к кофточке.)*

ОЛЬГА. Сними быстро!

ИГОРЬ. Софа, это как-то неудобно...

СОФКА. Я еврейка, мам.

ОЛЬГА. Ты думаешь, я не знаю, что тогда, когда у тебя была возможность уехать в Англию, ты специально завалила экзамен по английскому?

СОФКА. Я еврейка! Какая Англия? Мы сейчас в Израиль же переезжаем!

ИГОРЬ. Девочки, ну неловко как-то... Тут люди...

ОЛЬГА. Быстро сняла это! Быстро!

С О Ф К А. Тебя бесит, что у меня хотя бы реально кровь еврейская и интеллигенция всякая есть, да? А у тебя нету этого. Ты как ехать собралась? Ты же за границей не была ни разу. На неделю выезжали в Башкирию... И родители тут твои, и все родственники. Не стремно бросать всех, а? В стремной Рашке?

И Г О Р Ь. Софа, ну нельзя так с мамой...

С О Ф К А. А без меня решать все можно?

И Г О Р Ь. Ну сделай, как мама просит. А там посмотрим. Я за чипсиками сбегаю, вы голодные просто. Взять шоколадку?

О Л Ь Г А. От головы только.

Игорь уходит.

Б О Р Ь К А. Меня иногда бесит, что ты моя сестра.

О Л Ь Г А. Боря!

В ответ молчание.

Когда тебя посадят за репост, я не буду носить тебе передачи.

С О Ф К А. Бесишь. *(Снимает звезду Давида и покорно пишет в графе национальности «еврейка».)* Знали бы еще тридцать лет назад, что быть евреем круто и стильно вообще... Никто бы не поверил. Ну или подумали бы, что это подстава от КГБ. Мам...

О Л Ь Г А. Что еще?

С О Ф К А. У тебя же папа – антисемит, ненавидит все нерусское, а сам бурят. И я на четверть бурятка.

О Л Ь Г А. А вот ты будто с ним так общаешься крепко? Уткнулась и пиши!

С О Ф К А. Мам...

Снова молчание.

Квартира родителей. Очень маленькая кухня. Тут вообще по проекту кухня не предусматривается, потому что это дом в стиле конструктивизма, потому что это квартиры для будущего сверхчеловека большой советской страны. Женщина не должна быть рабой кухни, она должна работать наравне с мужчинами. Дети должны ходить в детский сад. А питаться труженики должны в общих столовых. Все чего-то кому-то должны. Только тараканы никому ничего не должны и ползают тут даже при людях и даже днем. Ну и последний раз ремонт здесь делали лет двадцать назад в лучшем случае. Обои ободраны, на стенах старательно выведены спирали мелком от тараканов «Машенька». О л ь г а режет арбуз большим-пребольшим ножом. Б о р ь к а сидит перед учебниками и тетрадями, но залипает в телефон. С о ф к а стоит перед плитой, ждет, когда чайник вскипит.

О Л ь Г А. Говорила я ему еще в девяностые: давай уедем, давай уедем! Испугался армии израильской, что служить заставят! А сейчас вон что! Хорошо, что Борьке нет восемнадцати. Так бы и его не пустили. И вот что теперь с тобой делать? Ты же тут одна останешься, получается! А если вдруг что случится?

С О Ф К А. Попрошу политического убежища.

О Л ь Г А. Ага, политического! Ты же амеба! Кто поверит, что ты по политическим?

С О Ф К А. Я не амеба. Я просто жду, когда вскипятится.

О Л ь Г А. Боря! Уроки! Ты чего вот бесишь меня? Почему вы все сегодня как я не знаю кто вообще?

С О Ф К А. Нормально все, мама.

О Л ь Г А. Боря! Опять притащишь двойку? Я больше не буду ходить в школу! Почему у одноклассников все хорошо, а ты тупой такой? У Софки в школе только пятерки были! Только пятерки!

С О Ф К А. Ну че ты врешь-то?

О Л Ь Г А. Это мотивация!

С О Ф К А. Опять в фейсбуке прочитала?

О Л Ь Г А (*меняет тему*). А ты бы работу нашла нормальную!

С О Ф К А. Мы же уезжать собираемся.

О Л Ь Г А. Это мы собираемся. А ты остаешься, потому что твой папочка не подумал о том, что надо бежать из этой страны вовремя!

С О Ф К А. Ты же говорила, что я еврейка!

О Л Ь Г А. Значит, не еврейка!

С О Ф К А. Мама, блин! Я уже почти поверила и даже посмотрела список известных евреев! Ты знала, что Колумб тоже еврей?

О Л Ь Г А. Он вот за границей жил, как нормальный белый человек! А папа твой трясется над своими железками. А надо нормально жить! В России пусть остаются другие. А у меня дети!

С О Ф К А. А ты детей спрашивала вообще своих?

О Л Ь Г А. Спросишь тебя, как же! Столько сил на тебя потратили! Все эти кружки бесконечные, музыкальные школы, английский! Уехала бы тогда в шестнадцать и горя не знала бы!

С О Ф К А. А может, я патриот до фига?

О Л Ь Г А. Конечно... (*Снова отвлекается на сына.*) Боря! Уроки! Ну сколько можно? Хочешь как папочка свой вырасти? (*Вздыхает.*) Софа, будешь арбуз?

С О Ф К А. Нет. Я чай жду.

О Л Ь Г А. Боря! Я твой телефон в форточку выброшу на фиг! Совсем!

С О Ф К А. Не ори на него.

О Л Ь Г А. А чего он ничего не делает? Ты чего молчишь? Боря!

С О Ф К А. А чего вы его в кружки не отдаете ни в какие? Он вот не запаривается вообще. А мне зачем детство портили?

О Л Ь Г А. Кто тебе детство портил? Сама себе всю жизнь портишь! Устроили тебя в нормальный институт. А ты куда пошла? Что вот сейчас? Открыточки рисуешь и упаковки для тушенки?

С О Ф К А. Я творческая до фига.

О Л Ь Г А (снова переключается). Боря! Почему у меня такой тупой сын? Ты даже еще не написал номер упражнения! Быстро, я сказала!

С О Ф К А. Ему пятнадцать уже, он сам может разобраться.

Б О Р Ь К А. Я просто арбуз жду.

О Л Ь Г А. Только и знаешь, что жрать, спать и срать! Потребительское общество! Ничего не можете сделать! Только потреблять и потреблять!

Свистит чайник, С о ф к а наливает в кружку кипяток.

С О Ф К А. Капец у тебя мотивация на развитие будущей личности.

С о ф к а идет из кухни по коридору. И тут О л ь г а вдогонку кидает свой большой-большой нож параллельно Софкиной голове. Нож острием вонзается в стену перед Софкой, не застревает в стене и падает на пол. С о ф к а смотрит на нож, поворачивается к матери. Та невозмутимо берет другой. Б о р я молча откладывает свой телефон и садится за уроки.

Яркое солнце. Такая березовая роща, ну которая только в мечтах может привидеться. Березки прямые, беленькие, листья так шуршат

приятно от теплого ветра. Как же хорошо! И тут ты такая бежишь. По мягкой ярко-зеленой траве. Босичком. Волосы мягкие, длинные. Ну как в рекламе, отвечаю! Птички поют. Ты такая в длинном легком белом платье. Бежишь, хохочешь и оглядываешься. Как в плохих фильмах бывает, когда герой представляет себе свою усопшую мать или что-то такое. Но ты ни фига не усопшая. Ты самая живая. И в этот единственный момент ты самая живая из всех живых. Потому что обычно кажется, что тебя и нет совсем. Ну как бы все вокруг само происходит, без особого твоего вмешательства. Ну и ты сама тоже чет не особо че-то чувствуешь, чтобы с уверенностью говорить, что существуешь. Листаешь ленту только и даже не поржешь над смешным видосом – только поставишь молча «лайк» и про себя отметишь, что смешно. А вообще даже не ты такая симпатная в этом платье бежишь по березовой роще, а какая-то офигительно красивая девчонка. И такое ощущение, что она бежала до этого не одну тысячу лет, она никогда не останавливалась. Она все бежит и бежит. И чего ей надо? Просто бежит через рощу, через поле, через солнце. Вперед. Ну да бог с ней. А вчера, например, мне приснился сон, очень реалистичный, в котором я ушла из ресторана и не заплатила. И будто ресторан был в каком-то из таких старых питерских домов... Но не в этом суть. Я собиралась заплатить во сне, но не знала, сколько надо, и не знала, где искать продавца. Я очутилась в какой-то квартире, где было много театральных костюмов. Ну и вообще вроде как там в подвале был театр. Я разговорилась с костюмершей. И оказалось, что директор ресторана, которому я задолжала за обед, – призрак. И все было крайне реалистично. Я проснулась с ощущением, что должна заплатить за тот обед во сне. В общем, у меня теперь такой вопрос: я должна этому чуваку что-то или нет?

6

Квартира родителей. Коридор. Он узкий, потолки только высокие. Здесь темно. А еще с одной стороны во всю стену книжный шкаф. На нижних полках – Большая советская энциклопедия, которую ни-

кто не трогал много лет, стоит как новенькая. А на других – самые разнообразные книги: от пошлых романов до книг по биологии, математике, физике... Их тоже никто не открывал много лет. Между корешками лежит невытертая пыль, ее можно убрать, только вытащив все книжки. А еще на одной из полок лежит розовый карандаш, подточенный с двух сторон. Им также никто не пользовался уже много лет.

Борька стоит в коридоре в одном ботинке, другой его ботинок Ольга держит в руке.

О Л Ь Г А. Ты уроки сделал?

Б О Р Ь К А. Я взрослый!

О Л Ь Г А. Уроки сделал?

Б О Р Ь К А. Я выше тебя уже!

О Л Ь Г А (взрывается). Ты и так ни хрена не делаешь! Нам скоро уезжать! А ты ни хрена не делаешь! Все одна я! А вы все потребители!

Б О Р Ь К А. Мама, отдай ботинок. Я все равно уйду.

О Л Ь Г А. Ну и куда ты пошел?

Б О Р Ь К А. Гулять.

О Л Ь Г А. У тебя экзамены вот-вот! Ты не готов! А еще переезжать! А там другая программа! Там все сложнее!

Б О Р Ь К А. Ну вот переедем, там посмотрим! Мама! Ну это уже как-то тупо вообще!

О Л Ь Г А. Шляться пошел? Экзамены сдай сначала!

Б О Р Ь К А. А я, может, в армию хочу!

О Л Ь Г А. Туда таких тупых, как ты, не берут!

Б О Р Ь К А. А меня возьмут!

О Л Ь Г А. Такой здоровый лоб, а...

Б О Р Ь К А. Ну что? Ну? Вот почему мне нельзя шляться?

О Л Ь Г А. Потому что!

Б О Р Ь К А. Мама, это очень тупо, что я тут стою в одном ботинке! Может, меня девушка там ждет!

О Л Ь Г А. Тем более! Какие девушки? Какие тебе девушки?

Б О Р Ь К А. Ты хотела, чтобы я геєм родился?

О Л Ь Г А. Какие тебе девушки? Ты хочешь стать таким, как папа?

Б О Р Ь К А. Именно! Может, пошляюсь – и нормальную себе найду, а не как ты!

Выхватывает у мамы свой второй ботинок. С одним ботинком в руке, с другим на ноге выбегает в коридор.

О л ь г а стоит молча перед распахнутой дверью. Тут Б о р ь к а поднимается обратно, уже надел ботинок.

Мам, сотки не будет?

О Л Ь Г А. В моей сумочке посмотри в комнате.

О л ь г а уходит в ванную. Б о р ь к а берет из маминой сумочки две сотки и убегает шляться.

7

Кафе. Очень стремное. Там все такое... типа из дерева. Типа дорого-богато. Какая-то лампа вроде диско-шара, которая лупит во все стороны разными яркими цветами. Музыка перемешивается с заедающей «Незабудкой» и каким-то шансоном про любовь из закорючки. Все какое-то коричневое с желтым. Ну и эта лампа дебильная специально для тех, у кого эпилепсия.

В центре зала стоят столы длинным рядом. Поминки. За столом сидят бабушки и дедушки, еще какие-то мужики и тетки, которым явно около тридцати, но выглядят минимум на пятьдесят. Они жуют молча. Где-то в углу уселись С о ф к а и И г о р ь. Они заказали себе по кофе.

С О Ф К А. Это ты так, папа, заведения выбираешь...

И Г О Р Ь. Я же не знал, что тут поминки.

СОФКА. Ну давай хоть по пиву? А то с кофе-то что?
ИГОРЬ. Давай по пиву...

Какая-то бабка за столом толкает в бок дедку.

БАБКА. Ешь-ешь! За все уплочено! Ешь, сказала!

СОФКА. Ты тут часто тусуешься?

ИГОРЬ. Захожу после работы иногда...

СОФКА. Ну теперь не удивлена, что у тебя проблемы с женщинами!

ИГОРЬ. Софа!

СОФКА. Ну а что? Говорю то, что думаю! Че, мне нельзя так с папой собственным?

ИГОРЬ. Ну я хоть и старый...

СОФКА. Папа, тебе сорок пять! Какой ты старый? Это мне двадцать пять, и я как не знаю что вообще.

ИГОРЬ. Ну нет, ты вон молодая у нас! Красивая такая!

СОФКА. Ага. Дитя дружбы народов.

ИГОРЬ. Ну что, ты вот несколько часов как русская и уже ненавидишь евреев?

СОФКА. Пап...

ИГОРЬ. М?

СОФКА. Ничего. Я темное буду.

ИГОРЬ. Ну вот сейчас подойдет кто – закажем.

СОФКА. Вы когда уезжаете?

ИГОРЬ. Как мама скажет.

СОФКА. А я смогу заехать к вам в квартиру? Ну обратно типа домой? Или вы ее сдадите?

ИГОРЬ. Как мама скажет.

СОФКА. Понятно.

ИГОРЬ. Что?

СОФКА. Ну понятно теперь, почему у меня с мужиками никак вообще! Это травма детства! Заранее знаю, что

мужик вот так вот будет сидеть и ждать, когда за него решит мама!

ИГОРЬ. Ну... Софка... Прости, но... видишь, такие законы. Я вот внук еврея, я по закону могу уехать, а ты правнучка. Ты уже не можешь. Ну до восемнадцати лет могла, только если бы мы все вместе уехали. Но там такое время было... Софка, ну сама понимаешь... Ну как бы я все бросил? Я же там только-только все начинал. Я же подавал надежды...

СОФКА. А сейчас?

ИГОРЬ. А сейчас не подаю.

СОФКА. Я не буду заводить детей.

ИГОРЬ. Ну и правильно! Живи для себя, все хорошо будет!

СОФКА. Нет, я просто не хочу продолжения вот этого всего! Это же в моих детях будут эти вот все гены! Мои дети будут унылые и скучные! Или кидаться ножами станут, как мама! Это так всегда? Так со всеми?

ИГОРЬ. Софа, сколько у тебя еще впереди...

СОФКА. Нам пиво принесут вообще? *(Софка активно машет руками, чтобы официантка увидела ее.)*

ИГОРЬ. Ну мы же в приличном месте...

Тут кто-то из тех, кто выглядит на пятьдесят, встает и говорит громкий тост. До этого времени они все молчали.

МУЖИК. Вот у нас на улице вообще ни разу такого не было, чтобы кто-то из мужиков дольше пятидесяти пяти прожил! Ни разу вообще!

Он сел. Все выпили. Продолжили есть.

СОФКА. А тебе сорок пять, папа...

ИГОРЬ. А тебе двадцать пять, Софа...

С О Ф К А. Пап, тебя же все тоже уже затрахало?

И Г О Р Ь. Ну не говори так...

С О Ф К А. Давай сбежим? Ну вот просто сядем в машину и уедем? И никому не скажем, где мы? Вообще ни одной душе! Просто будем ехать и ехать. И такие красивые будут поля и деревья! Ну? Давай сядем и поедем! Папа, так красиво в разных местах! Я фрилансить буду. На это жить будем. Поехали к Байкалу?

И Г О Р Ь. А до него далеко?

С О Ф К А. Капец как.

И Г О Р Ь. Только маме не говори.

8

Квартира родителей. О л ь г а проходит по всем комнатам, заглядывает в каждую. Никого. Проверяет, что точно никого. Хотя знает, что все ушли. Только горы книг в пыльных шкафах. От пола до потолка шкафы, шкафы... Где видны обои – они отваливаются. Мебель старая. Коричневая с желтым. И пол скрипит. Когда-то это была квартира интеллигентов. Ну и сейчас тоже интеллигенты вроде как.

Но О л ь г а одна в квартире. И машины за окном ездят.

Она заходит в ванную, включает воду, раздевается и ложится в наполняющуюся ванну. Делает глубокий вдох и начинает тихонечко плакать, потом громче, громче. Никто не слышит, как О л ь г а плачет. Это ей с виду только сорок пять. Так-то она молодая и просто хочет, чтобы все у нее было хорошо. Вот и плачет, потому что хорошо что-то не выходит. Плакать ей наконец-то надоедает. И она берет свой телефон и в приложении покупает себе и Б о р ь к е с И г о р е м билеты в один конец. В страну, о которой она так мечтала.

За границу.

9

Лето. Мокрый асфальт. На улице никого. Только фонари желтым рас-

плываются по лужам. Слышно, как промокшие босоножки шлепают о мокрый тротуар. И тут бегут. Двое бегут. Очень красивая девушка. Молодая. И очень красивый парень. Молодой. Они несутся по этому мокрому асфальту куда-то далеко. Держатся за руки. Смеются. Даже непонятно, в каком времени это происходит – вчера, завтра или столетие назад. Это не важно. Главное, что они молоды. Что им хорошо и клево. Блин, я бы вот так тоже бежала куда-нибудь через весь земной шар. А потом через всю Солнечную систему. А потом через всю нашу галактику. А потом через весь космос. Я бежала бы, как эти двое. И никто за мной не угнал бы. Потому что я быстрее всех.

10

Борька и Агата гуляют среди гаражей. Там место такое есть: вроде гаражи, а на них нарисовано все так красиво. Агата достает сигареты, протягивает Борьке.

АГАТА. Курил?

БОРЬКА. Ну...

АГАТА. Не стремайся. Я свою первую в шестнадцать выкурила. Ты еще юный. Ты такой юный...

БОРЬКА. Вся жизнь впереди.

АГАТА. Научу. Смотри. Ты мужчина, ты должен прикуривать женщине. Если ты попал в общество, где женщина достает сигарету, ты просто обязан ей подкурить. Даже если сам не куришь. Если женщина успела прикурить сама – все. Ты лох. Держи зажигалку. Я слегка наклоняюсь, а ты прикуривай.

БОРЬКА. Ща...

У Борьки не с первого раза получается зажечь зажигалку.

АГАТА. А че руки трясутся? Успокойся, ну? (Она закуривает.) Подойди.

Борька подходит. Агата приобнимает его. Борька не знает, куда деть руки, как-то неуклюже хватается Агату за талию. Она нежно берет его щеки в ладонь двумя пальцами, просит, чтобы приоткрыл рот. Выдыхает ему туда дым. Победно смотрит на него, а Борька закашливается.

АГАТА. Ну вот. Такую секс-картину обломал.

БОРЬКА. Прости.

АГАТА. Научишься еще.

БОРЬКА. Дай мне тоже.

АГАТА. На.

Она дает ему сигарету, он прикуривает. Силится не кашлять.

А че ты не взятяг?

БОРЬКА. А как надо?

АГАТА. Ну че, совсем не шаришь? Втягиваешь дым и говоришь: «Аптека».

БОРЬКА. Аптека. *(Вдыхает дым, закашливается.)*

АГАТА. Вот. А то если будешь курить не взятяг, тогда рак губы будет.

БОРЬКА. А так не будет?

АГАТА. А так доживешь до других болезней.

БОРЬКА. А я вот знаю, как умру.

АГАТА. Что, как-то удалось на секундочку из симуляции выйти?

БОРЬКА. Не знаю. Но я вот уверен, что умру от пули. Не знаю, где, кто и как мне ее всадит, может, сам, но точно знаю, что пуля в сердце будет.

АГАТА. Фига ты ванилька...

БОРЬКА. Нет, ну, может... Ну какая я ванилька? Хотя ты права, может.

АГАТА. Я всегда права. Ты забыл? Я юность. Юность

всегда права.

БОРЬКА. Я вот уезжаю скоро.

АГАТА. И меня бросаешь?

БОРЬКА. Нет! Ну мама тащит всю семью. Она, короч, с этим фейсбуком всратым и со всеми этими законами в Госдуме... прямо с ума сошла: «Ехать, надо ехать!» Но Софка говорит, что она всегда такая была. Всегда говорила, что надо уезжать, что в Рашке капец, только уроды живут. А сама ни разу за границей не была даже и не выезжала никуда за пределы Екатеринбурга.

АГАТА. Облом... А у меня норм мамка. Но тоже на митинги эти ходит всратые. Песни еще какие-то поет! Как-то раз вообще дичь произошла: ее по административке посадили на несколько суток, а я ее должна была встречать. Мама-диссидентка! Офигеть просто радость мне! Я и так парюсь, что меня прослушивают. Вот, и, короч, я такая еду к ней, конфет купила, ну, думаю, поддержать мамку с закорючки-то надо! Подъезжаю, а там куча ее дружков таких же ненормальных, ждут ее, с телефонами стоят наготове, рассказывают о том, кто как сидел по административке, что тут сейчас нормальные менты. Ну жесьть полная! И вот мамка выходит. И вместо того, чтобы ко мне идти – я ее с конфетами жду! – она идет к этим своим навалынистам и прочим таким. Обнимаются, целуются. Она на телефон им говорит, как рада, и что путинская Россия скоро подойдет, и прочую такую дичь. А потом они встали в круг и запели хором какую-то песню про то, что они встанут плечом к плечу, один навалится плечом на стену, товарищ навалится и все другие товарищи навалятся и падут эти стены рабства... или так как-то. Они эту всю херь пели, а я в стороне стояла. Мама мне даже привет не сказала. Я стояла такая с конфетами, а мама себя Розой Люксембург чувствовала...

БОРЬКА. Отстой.

АГАТА. А потом в машине ехали мы, нас ее знакомый какой-то подвозил, и она радостная рассказывала, как отмыла всю камеру, как провела образовательную работу с арестантами. Она отмыла всю камеру. Моя мама. Просто капец.

БОРЬКА. А мне иногда так стремно, что мы живем в такое время неприкольное. Ни войн там, ничего. Была бы война – я бы сразу в партизаны. Я бы там партизанский отряд возглавил бы. И убивал бы всех. А еще меня бы заставили носить звезду Давида желтую, потому что я еврей.

АГАТА. Вообще не похож.

БОРЬКА. А там потому что только прадед еврей у меня, а так-то русский я. Ну вот я бы сбежал и стал партизаном.

АГАТА. Ты мудака?

БОРЬКА. В смысле?

АГАТА. И убивать бы пошел?

БОРЬКА. Врагов!

АГАТА. А щас че?

БОРЬКА. Так не война.

АГАТА. Тебя бы сразу убили. Какие партизаны вообще? И струсил бы ты надеть звезду желтую.

БОРЬКА. Я мужчина. Ты не знаешь еще...

АГАТА. Капец ты мелкий. Ладно.

Молчание.

Иди сюда.

Она притягивает его к себе, обнимает, кладет его руку к себе на грудь. Целует его очень крепко. Он закрывает глаза, а она достает телефон и фоткает то, как они целуются.

БОРЬКА. Я никуда не поеду, Агата! Я останусь тут, пусть мамка что хочет делает! Я никуда не поеду!

АГАТА. Поедешь. Там и армия есть. И за еврея там тебя будут считать.

БОРЬКА. Мы с тобой поженимся, ну?

АГАТА. С ума сошел? Я чайлдфри.

БОРЬКА. Я тоже. Но замуж-то можно?

АГАТА. Курить научись сначала. Я сбегу и буду переворачивать пингвинов в Антарктиде. Ясно? Потому что я буду бежать. Мне сейчас семнадцать. Это надо ловить. Никогда больше семнадцати не будет. А если бежать очень-очень быстро, со скоростью выше скорости света, хотя бы на чуть-чуть, то само время тебя не догонит. И будешь всегда молодой.

БОРЬКА. А я хочу чисто видосики смотреть и обсирать их. Ты такая клевая, Агата! А я такой лох.

АГАТА. Че там за видосики?

БОРЬКА. Кот икает и пукает одновременно. Видела?

АГАТА. Господи, это же баян.

11

Стремное кафе. Поминки. Софка и Игорь в своем уголке.

СОФКА. Это просто. Все предельно просто, папа.

ИГОРЬ. Ну я как-то не могу...

СОФКА. Ну еще выпей для уверенности.

ИГОРЬ. Ну что ты... как-то...

СОФКА. В общем, есть метод, который я сама придумала.

ИГОРЬ. Софа...

СОФКА. Папа! Мне двадцать пять! Хватит, окей?

ИГОРЬ. Тебе двадцать пять, да, окей.

СОФКА. Так вот. Ты подходишь такой к девчонке и говоришь ей: «Ты идешь со мной». Это канает.

ИГОРЬ. Неловко как-то...

СОФКА. Папа, я тебе дело говорю. Ты последний раз когда знакомился?

ИГОРЬ. Ну...

СОФКА. Именно! Так вот. Ты сейчас идешь и подходишь к какой-нибудь девушке и говоришь, что она прикольная, а еще говоришь в таком повелительном слегка тоне: «Ты сейчас пойдешь со мной». Главное, чтобы это был тон не стремного лошкка, а уверенного в себе мужчины!

ИГОРЬ. Ну как-то... Женщины же сейчас такие... Они все стали как бы очень сильные и независимые... Наверное, их оскорбит, если я проявлю инициативу...

СОФКА. Папа, ты чего? Я бы сказала, кто ты, но воспитание не позволяет.

ИГОРЬ. А есть такой анекдот: «Сарочка, диалог еще возможен или ты уже права?».

СОФКА. Папа, я права всегда. Ничего не знаю. Давай выбирай себе жертву!

ИГОРЬ. Какую жертву, ну?

СОФКА. Ну женщину, посимпатичнее, которая нравится.

ИГОРЬ. Софа, я же женатый мужчина.

СОФКА. Кроме меня только никому не говори об этом, окей?

ИГОРЬ. Неловко...

СОФКА. Я бы объяснила тебе, что неловко...

ИГОРЬ. Но тут же поминки. Тут же как-то не очень хорошо знакомиться... Тут одни бабушки...

СОФКА. Ну вон та! Смотри, ей лет сорок, не больше.

ИГОРЬ. По-моему, ей лет пятьдесят пять.

СОФКА. Ну... после сорока все выглядят примерно

так...

ИГОРЬ. И я?

СОФКА. Нормально. Вон та! Тебе не нравится?

ИГОРЬ. Что-то как-то...

СОФКА. А мне норм. Так, вроде нормально выглядишь, все окей. Блин! Как я не заметила?

ИГОРЬ. Что?

СОФКА. Капец, красавчик...

ИГОРЬ. Ну как бы сначала я же должен дать одобрение, я же папа.

СОФКА. Ой, папа! Так! Я на своем примере тебе сейчас все покажу! *(Выходит из-за стола, уверенной походкой направляется к столику, где проходят поминки.)*

Привет!

КОСТИК. Привет...

СОФКА. А ты идешь сегодня со мной...

КОСТИК. Так сразу?

СОФКА. Да.

КОСТИК. А подумать?

СОФКА. Утром. Под одеялом. Завтра утром.

КОСТИК. Дерзкая.

СОФКА. А меня Софка зовут.

КОСТИК. Костик.

СОФКА. А я вся такая новая в этом городе, еще ничего не видела...

КОСТИК. А я коренной.

СОФКА. Неужели?

КОСТИК. Есть такой грех.

СОФКА. Хочешь сбежать?

КОСТИК. Это поминки моего деда.

СОФКА. Соболезную. Думаю, он не был бы против.

КОСТИК. Ну...

СОФКА. Я симпатная?

КОСТИК. А я?

СОФКА. Я похожа на ту, которая подойдет к лошке?

КОСТИК. Не знаю.

СОФКА. В смысле?

КОСТИК. А ты что тут делаешь?

СОФКА. Папу выгуливаю.

КОСТИК. На поминках?

СОФКА. Это очень по-русски. В России всегда смерть и зима.

КОСТИК. А ты творческая...

СОФКА. Я ниче такая.

КОСТИК. Согласен.

СОФКА. Я тоже согласна.

Софка и Костик продолжают ворковать, в это время папа наблюдает за ними. В общем, иногда начинаешь понимать шутейку про то, что в каком-то возрасте перестаешь смотреть порно, поскольку каждая девушка – чья-то дочь.

Игорь оставляет на столе деньги и тихонечко уходит. Софке двадцать пять, и папа хочет, чтобы дочь прожила более счастливую жизнь, чем он сам.

12

Квартира родителей. Кухня. Ольга порезала арбуз на маленькие кусочки. Ест их вилкой из большой тарелки. Рядом пьет чай Игорьь.

ОЛЬГА. Ну?

ИГОРЬ. Я не буду.

ОЛЬГА. А я не про это.

ИГОРЬ. А я про это.

ОЛЬГА. Я билеты купила.

ИГОРЬ. Что? Почему никому не сказала?

ОЛЬГА. А так бы ты никогда не решился.

ИГОРЬ. В смысле?

О Л Ъ Г А. В смысле.

И Г О Р Ь. Тут же работа! Дети! Боря в школе!

О Л Ъ Г А. Слушай, и Боря учится как непонятно кто, и твоя работа тоже как-то денег не приносит.

И Г О Р Ь. А на что ты купила-то? Откуда деньги?

О Л Ъ Г А. Сэкономила.

И Г О Р Ь. А когда срочно были нужны деньги на операцию кошке? У тебя были?

О Л Ъ Г А. Если бы потратили тогда на нее – сейчас бы никуда не уехали.

И Г О Р Ь. Но кошка!

О Л Ъ Г А. Она бы все равно умерла! А так протянул бы ее мучения, как с собакой тогда. Сразу надо было усыпить! А ты на лекарства, на капельницы ее таскал целый год! Ты видел, как ей было херово? А все из-за твоей слабости! Никак не можешь принять решение. Вот я и приняла.

И Г О Р Ь. Так не делается! Сдай билеты!

О Л Ъ Г А. Если сдам, мы так никуда не уедем.

И Г О Р Ь. Я накоплю, мы соберемся по уму, Боря экзамены сдаст, квартиру сдадим, ремонт тут сделаем.

О Л Ъ Г А. Ты это мне говоришь все двадцать пять лет совместной жизни! Ты же видишь, что ты тряпка! Игорь! Ну кто-то должен быть мужиком в этой квартире!

И Г О Р Ь. А я что? Оля, ты...

О Л Ъ Г А. Что я? Если бы не я, тебя бы уволили почти сразу! Если бы не я, всего этого домашнего уюта не было бы!

И Г О Р Ь. Какой домашний уют, Оля? Ты про эти ободранные обои?

О Л Ъ Г А. А ободранные обои на твоей совести. Ты же мужчина!

И Г О Р Ь. Я рядом с тобой перестая себя чувствовать мужчиной! Из-за тебя все!

О Л Ъ Г А. Да какое из-за меня? Собирайся лучше. Там ты сможешь начать новую жизнь. Совершенно новую

жизнь! Как будто этой не было никогда!

ИГОРЬ. Ты понимаешь вообще, что такое уехать надолго из дома? Я уезжал! И даже на месяц уехать – это страшная пытка! А что будет там? Язык надо же знать!

ОЛЬГА. В языковой среде выучишь.

ИГОРЬ. Мне уже сорок пять лет!

ОЛЬГА. Мне тоже. И я смогла во взрослом возрасте уже выучиться, чтобы зарабатывать. Забыл, что просил меня бросить учебу ради того, чтобы Софку воспитывать? Как говорил, что обеспечишь, что горя знать не будем? И я бросила учебу! А я была лучшей на курсе!

ИГОРЬ. Я тебя ни к чему никогда не принуждал.

ОЛЬГА. А там будет возможность и для тебя, и для меня! Понимаешь, новая жизнь, заново! Мы заселимся в новую квартиру и будем там поддерживать хороший ремонт всю жизнь! Там не будет тараканов. Поселимся рядом с морем. Боря будет каждое утро перед школой плавать в море! Понимаешь, что это такое? И мы с тобой будем брать вино на рынке Кармель, идти по берегу моря. Игорь, ты же мне это обещал, когда мы поженились! А я ни разу не видела моря! Ни разу вообще!

ИГОРЬ. Почему ты за всех решила и ничего не сказала?

ОЛЬГА. Я для тебя стараюсь! Для нас!

ИГОРЬ. Ты просто тянешь из меня деньги. Я неинтересен тебе как личность!

ОЛЬГА. Как личность? Я с тобой двадцать пять лет живу! Какая личность, Игорь?

ИГОРЬ. Оля, супруги так не поступают!

ОЛЬГА. Как раз так и поступают!

ИГОРЬ. Давят друг на друга и заставляют делать то, что не хочется? Заставляют бросать все дела, всю работу, подставлять людей? Орут в трубку, если не приходишь вечером домой? Ты знаешь, как мне неудобно перед ребятами? Я большой мальчик Игорь, а на меня

как на щенка орут в трубку! Всем всегда это слышно! Я трубку от уха на расстоянии вытянутой руки держу! И то глохну! Я для тебя чисто кошелек и мальчик для битья! Никакой любви нету давно... А я ради тебя кучу жертв приношу! Я... меня в Питер звали перевестись на хорошую должность! А я не перевелся, все из-за тебя! Потому что ты тут!

О Л Ъ Г А. А я была бы против, если бы ты перевелся? Да я всегда за!

И Г О Р Ь. Нет, ты была бы против, потому что я знаю, какая ты!

О Л Ъ Г А. Ни хера ты не знаешь!

И Г О Р Ь. Не выражайся!

О Л Ъ Г А. Как не выражаться?

И Г О Р Ь. Не выражайся! Ты же женщина! Матерятся только геи и...

О Л Ъ Г А. И я.

И Г О Р Ь. И ты!

О Л Ъ Г А. Я даже не знала, что тебя в Питер хотели... Почему ты со мной не делишься? Почему ты со мной ничем не делишься? Я тебя везде, всегда... А ты! Почему ты так со мной?

И Г О Р Ь. Как так? Я всегда честен перед тобой! И не брал билеты на следующий день в один конец! Представляю, что скажут дети!

О Л Ъ Г А. А когда любовницу заводил, не думал про то, что скажут дети.

И г о р ь, сам того не ожидая, бьет по лицу О л ь г у. Оба замирают в немом ужасе.

О Л Ъ Г А. Завтра едем. Собирайся.

Лето. Фонтан брызжет во все стороны. Лето, жара. Ты где-то рядом, я знаю. Ты бежишь где-то рядом со мной. Я не вижу тебя, но четко ощущаю. И мне ничего не страшно. Потому что ты бежишь и я бегу. И бежим мы с тобой вдвоем от смерти, от всей этой глупой неудавшейся жизни. Бежим вдвоем. Ты и я. И никто не может нас догнать. Подожди только секунду. Секундочку. Я поплещусь в фонтане. Не переживай. Время меня не успеет догнать. Я убежала слишком далеко. Ну и вообще в фонтане я тоже буду бежать. Потому что лето, молодость, юность! Я не знаю, какими словами описать тебе, бедный мой мальчик, то, что я чувствую. Я так хочу, чтобы сердце вырвалось из моей груди и я отдала его тебе! Но как я тебе что-то передам, когда мы вечно бежим? Я даже сердечко тебе не могу свое отдать, потому что для этого тебе и мне придется остановиться. Мне – чтобы достать сердечко, а тебе – чтобы убрать его в карман. Вот и будем бежать. Каждый со своим сердечком. Я глупости часто говорю, но что ты хочешь от девчонки, которая никогда не станет старше?

Квартира Софки. Кухня. За окном все так же красуется «Рома, ты мудака».

БОРЬКА. Я бы не хотел оказаться на месте твоего парня.

СОФКА. Из-за надписи? Пусть все телки знают, чего случится, если они вляпаются в отношения.

БОРЬКА. Да, пусть все знают.

СОФКА. Так, только не говори мне, что у тебя тоже какая-то жесь случилась! Я себя просто тонким психологом ощущаю!

БОРЬКА. Что может быть хуже того, что мамка купи-

ла билеты на завтра?

С О Ф К А. Ну, там, рак, СПИД, беременная телка...

Б О Р Ь К А. Софка, ты вот реально иногда капец как бе-
сишь! Ты чего такая? Мне правда стыдно иногда, что ты
моя сестра!

С О Ф К А. Это потому что меня не признали еврейкой,
а тебя признали?

Б О Р Ь К А. Только не начинай, как папа, со своими
шутками про евреев. Это ни фига не смешно.

С О Ф К А. Ты тоже из приличия смеешься над ними?

Б О Р Ь К А. Дурацкое воспитание.

С О Ф К А. Да, мне иногда кажется, что, если бы мы
с тобой родились в рабоче-крестьянской семье, мы бы
больше хайпанули и вообще...

Б О Р Ь К А. Я бы умел целоваться...

С О Ф К А. А ты че? Не это?

Б О Р Ь К А. Только маме не говори!

С О Ф К А. Слушай, я ей не сказала, что ты на своей стене
в ВК в двенадцать лет постил: «Ищу пошлую девицу 12 лет».

Б О Р Ь К А. А я не сказал маме, что ты куришь.

С О Ф К А. А я не сказала маме, что ты девчонкам в ВК
фотки своего члена слал. «Ну че ты боишься, у меня всего
двенадцать сантиметров!»

Б О Р Ь К А. А я не сказал, что ты гоняла к своему пар-
ню, когда говорила, что гоняешь к подруге!

С О Ф К А. Слушай, твои грехи жестче.

Б О Р Ь К А. Ну я мальчик.

С О Ф К А. Ты ни разу не целовался.

Б О Р Ь К А. Я сегодня...

С О Ф К А. Че, девственности лишился наконец? В по-
следний день решил трахнуть русскую телку, потому что
теперь до фиги иностранец?

Б О Р Ь К А. Я поцеловался сегодня впервые. А она вы-
ложила наши фотки в инет и разослала всей школе. И под-

писала, что я мудака, дрончер, малолетка и все такое...

СОФКА. Вот сука.

БОРЬКА. И курить меня учила, а я закашлялся... И вот поэтому я, наверное, лох и дрончер.

СОФКА. Ты мой брат! Мой брат не может быть лохом и дрончером! Ты самый клевый! Ты че вообще?

БОРЬКА. Знаешь, первое, что мне захотелось сделать, – это взять ружье и пойти стрелять всех одноклассников. Наверное, это на генетическом уровне у всех подростков такая штука.

СОФКА. Это просто облако информации сейчас такое. Сейчас чуть что – всем хочется всех вокруг стрелять, становиться героями... Да короч! Забей на эту суку! Хочешь, научу нормально курить?

БОРЬКА. Мне пятнадцать. И я еще думал, что пулю последнюю в сердце запущу.

СОФКА. Капец ты ванилька.

БОРЬКА. Вот она так же сказала.

СОФКА. Так че? Курить будешь?

БОРЬКА. Софка!

СОФКА. Боря! Таракан бежит! Боря! Боря, страшно, капец!

БОРЬКА. Где? Я тоже боюсь!

СОФКА. Ты мужчина или кто? Я тебя для чего воспитывала?

БОРЬКА. Это все, значит, было воспитанием все это время?

СОФКА. Сделай с ним что-то!

БОРЬКА. У тебя лак есть?

СОФКА. Для ногтей?

БОРЬКА. Дура, для волос!

СОФКА. Да! Ща! *(Она берет лак для волос, передает его Боре.)* Хочешь, чтобы тараканы твоей прически испугались?

БОРЬКА. У тебя херовые шутки.

СОФКА. Сделай что-то уже!

БОРЬКА. Ща. *(Он распыляет лак на таракана. Таракан застывает.)*

СОФКА. Он теперь всю жизнь так на ковре будет?

БОРЬКА. Останется для следующих поколений. Хорошо сохранится.

СОФКА. А мне как жить?

БОРЬКА. Слушай, ну тебе легче! Ты тут одна остаешься на две хаты, мамка тебе мозг не будет выносить, папа тоже. Живи – не хочу!

СОФКА. Нет. Они мне уже вынесли мозг. Я теперь должна получить украинское гражданство. Я должна написать письмо о том, как сильно во мне вспыхнули чувства к моей исторической родине.

БОРЬКА. Капец.

СОФКА. Капец.

Молчание.

Комар! Дай лак.

Софка убивает комара в полете.

СОФКА. Коллекцию собираю.

БОРЬКА. Софка, а ты будешь ко мне приезжать?

СОФКА. Борь, ты чего так паришься? Там у тебя новая жизнь вообще будет. Никто из этих одноклассников не будет тебя донимать. Там познакомишься с другой телкой. Там девственности лишишься, все дела! Там море, все круто и здорово. Ну?

БОРЬКА. Я люблю ее!

СОФКА. У меня есть средство! *(Софка берет банку с краской.)* Пошли.

Софка и Борька выходят на улицу и закрашивают некоего «Рому». Пишут поверх «Агата».

«Агата! Ты мудак!» Офигенно, я считаю.

БОРЬКА. Спасибо.

СОФКА. Это мне от тебя память останется. Давай в инсте ее отметим. Сука такая! И везде выложим.

БОРЬКА. Софка, ну так нельзя... Я же мужик...

СОФКА. А я нет! (Софка фоткает свое творение.)
Домой пошли.

Они разворачиваются, идут домой, в подъезде сталкиваются с теткой Л а р и с о й, она соседка тут.

ЛАРИСА. Ой! Софочка! Здравствуй! А это кто у нас? Такой большой уже!

СОФКА. Теть Ларис, это Боря, мы пойдем.

ЛАРИСА. Да-да! Я на секундочку, только соли хотела попросить. А то мама у меня же лежит. И вот ей слышится всякое и видится. Думает, что вокруг нее ведьмы летают. Ну представь, ей девяносто лет, а в таком ма-разме? Ну как так? И вот попросила, чтобы, как в кино, я вокруг нее соли насыпала. Кричит, что демоны ее заберут. А куда ее заберут? Таких никто уже не забирает. Даже ведьмам имена дала. Одна у нее Лена летает, другая Вельзевулла, третья Аркаша, а четвертая Полиночка. Вот такие мультики ей видятся. Представляешь? Ну вот я ей пока что поставила оловянного солдатика. Она думает, что он живой, разговаривает с ним. Он ее охраняет вот вроде как. Но говорит, что долго он не сможет напор ведьм сдерживать. Потому что уж больно у Аркаши пышные формы. Вот такая мама у меня! Представляете? Удивительно просто. Вот не думала, что я в шестьдесят

пять начну маму свою переворачивать. А она тяжелая такая! Ну зачем она так много ела? Я вот сейчас не ем ничего почти, чтобы смерти проще забрать меня было, ну а в случае чего – переворачивать. Я тут вчера из-под нее достала – не поверите! – тараканов! Откуда вот взялись, не было же! А потом...

С О Ф К А. Теть Лариса, извините, я вам сейчас соль-то принесу. Мы тут с братом немножко торопимся...

Л А Р И С А. Да, конечно. Я все понимаю. Торопитесь, пока молоды, надо бежать, бежать, бежать...

Лариса уходит к себе в квартиру. Софка и Борька молча поднимаются по лестнице.

15

Софка и Костик едут в дорогой хорошей машине по трассе из аэропорта. Софка молча смотрит в окно.

КОСТИК. Там, на вечеринке, ну на тусовке этой... в общем, на этом сборище... ты не суди там строго особо... Там друзья папы моего будут. Ну они возраста соответствующего...

С О Ф К А. Как на поминках?

КОСТИК. Ну вроде того.

С О Ф К А. А как вы на следующий день после поминок день рождения празднуете?

КОСТИК. Ну это же не только день рождения папы, это день рождения его компании. Там все очень серьезно. Там приедет хор из монастыря. Серьезные люди.

С О Ф К А. Из монастыря?

КОСТИК. Я надеюсь, ты ничего против православия не имеешь?

С О Ф К А. Меня не признали еврейкой. Я теперь

украинка.

КОСТИК. А я бурят на четверть!

СОФКА. И я бурятка.

КОСТИК. Ты какая-то неразговорчивая сегодня...

СОФКА. Мы с тобой знакомы второй день всего.

КОСТИК. И я уже везу тебя знакомиться со своим папой.

СОФКА. Типа спровадили моих предков – теперь можно во все тяжкие?

КОСТИК. Ну типа...

СОФКА. Прикольно.

КОСТИК. Ну че случилось-то? Ты из-за родственников? Они же не навсегда, они же так много шмоток оставили, ну и ты приезжать к ним можешь. Там постоянно летают самолеты же.

СОФКА. Костик...

КОСТИК. Че?

СОФКА. Костик, давай, сбежим? Я не могу тут больше...

КОСТИК. Как мама, начиталась про законы новые?

СОФКА. Пофиг на законы. Я не могу так больше. Будто по кругу ходишь! Будто не вздохнуть! Полная жопа! У тебя не так разве?

КОСТИК. Ну я как-то... Да нет... Ну че... Втоплю просто по газам и лечу вообще.

СОФКА. Давай... ну хоть пингвинов поедем переворачивать? В Антарктиду!

КОСТИК. Нет такой профессии.

СОФКА. Ну бегемотов спасать, я не знаю!

КОСТИК. Так. Давай вот сейчас приедем к папе на день рождения, там повеселимся, перетерпим этот хор церковный, потом ко мне поедем. Я тебе свою квартиру покажу. У нас же любовь с первого взгляда. Да?

СОФКА. Любовь. Любровка...

КОСТИК. Любовька – это как?

СОФКА. Ну любовь это на всю жизнь. Любовька – это на несколько месяцев или лет, когда не на всю жизнь, но только сердце так: ах!. Любовочка – это когда на несколько дней, секунд, минут... Ну просто типа: «Какой симпатный!» Есть еще просто мужчины...

КОСТИК. Норм градация.

Молчание.

СОФКА. Ты красивый.

КОСТИК. Ты тоже.

СОФКА. Я всегда хотела замутить с чуваком, у которого большой горбатый нос. Это так красиво.

КОСТИК. Я тебе цветов куплю.

СОФКА. Желтых.

КОСТИК. Типа Маргарита?

СОФКА. А давай послезавтра в Москву поедем и поиграем в Мастера и Маргариту? Я буду ходить по Москве с желтыми цветами, а ты – жечь бумажки.

КОСТИК. Мне не нравится эта книга.

СОФКА. Мне тоже.

КОСТИК. Тогда давай.

Они встали на светофоре. Софка двумя руками берет лицо Костика, смотрит на него долго и целует.

СОФКА. Я не сбегу.

Вечеринка. Все украшено бантами, лентами, всем таким красивым. Стоят столики, за ними уже сильно подвыпившие люди. Примерно

такие же, как на поминках. Ощущение точно такое же, как от того стремного кафе, но тут явно в разы больше денег. На сцене стоит ведущий, за ним уже выстроился хор пузатых мужиков – хор монастыря.

ВЕДУЩИЙ. В пятидесятые годы появилось все самое лучшее! Появился наш дорогой Валерий Михайлович! В пятидесятые годы нам бы всем хотелось попасть! Но вот даже Аршавин был совсем рядом! И не попал! А теперь представляем вам хор! Знаменитейший хор! Они споют вам военную песню, которую пели еще при Петре Великом в нашем героическом прошлом! Интересный факт! Ни одну войну Россия не развязала! Мы всегда только защищались! Встречайте!

Аплодисменты, ведущий уходит. Поет хор. Нет, хорошо поют, ничего не сказать плохого про них.

СОФКА. Кость... А почему твой папа в таком стремном кафе поминки проводил, а дэрэ с таким размахом?

КОСТЯ. Он просто зажал для родственников.

СОФКА. А хор?

КОСТЯ. Ну я же говорю тебе, он сильно православный.

СОФКА. Я думала, что это шутка. Я никогда не видела реально православных, реально верующих. Я всегда думала, что это... ну типа образ жизни такой. Там распisanie жизни удобное. Ну там типа диеты. Ну и тусовки – в церковь сходить.

КОСТЯ. Не, ты че... Он у меня каждое Крещение в прорубь ныряет.

СОФКА. Сказала бы я... Но воспитание не позволяет.

КОСТЯ. А я слышал, что нельзя, чтобы у евреев девушка умерла девственницей, поэтому при синагоге есть

мужик, который трахает тела девственниц.

СОФКА. Че?

КОСТЯ. Ну я в ленте прочитал.

СОФКА. Жесть какая.

КОСТЯ. Так че, правда?

СОФКА. Конечно, я вот лично в холодильнике замороженных младенцев держу христианских, чтобы всегда под рукой были. А то сейчас проблематично как-то стало их доставать...

КОСТЯ. Ты типа как вампир?

СОФКА. Ага. Выживут только любовники.

КОСТЯ. Ты красивая.

СОФКА. Я слышала.

КОСТЯ. Не грусти, ну? У родаков твоих все там ништяк вообще сейчас. Море, пальмы. Я был в Израиле, там круто.

СОФКА. Я знаю.

КОСТЯ. Слушай, давай, пока они тут поют, быстренько, м?

СОФКА. Че?

КОСТЯ. Ну, никогда не знаешь, когда сдохнешь.

СОФКА. И?

КОСТЯ. Ну... Я чет ваши традиции не особо приемлю просто...

СОФКА. Блин...

И тут хор запел «День Победы». Все, кто был в зале, встали, как на гимн. Дядьки и тетки начали подпевать. Костик тоже встал.

СОФКА. Ты че?

КОСТИК. «День Победы» же.

СОФКА. И?

КОСТИК. История наша. Наша история это. Давай, тоже вставай.

СОФКА. Ты перебрал?
КОСТИК. Давай!

И тут ведущий выносит большую икону.

ВЕДУЩИЙ. Нашему дорогому Валерию Михайловичу весь коллектив дарит вот эту замечательную икону!

Хор и все гости кричат «ура!». Валерию Михайловичу дарят икону.

ВЕДУЩИЙ. А теперь танцы!

Включается какая-то совершенно дикая мелодия. Все встают и танцуют.

КОСТИК. Софка! Пошли!

СОФКА. Ты перебрал.

КОСТИК. Ну а ты чего? Вино хорошее!

СОФКА. Они что делают?

Костик выбегает к гостям.

КОСТИК. Крестный ход! Устроим крестный ход с иконой!

Он берет у своего папы – Валерия Михайловича – икону, несет впереди себя. За него сзади цепляются гости паровозиком. Под какую-то совершенно дикую мелодию все гости во главе с Костиком танцуют ламбаду. Софка понимает, что тут ловить нечего и какой бы симпатный Костик ни был – это не ее любовка.

А теперь подарок от меня! Папа! Я сам сделал этот видос!

На экране появляется видео, которое еще Борька показывал

А г а т е. Только вокруг кота взрываются салюты, а после этого видео идут другие видосики со смешными животными. И вокруг всех взрываются салюты. А потом там еще выдры поют: «С днем рождения, папа!»

С О Ф К А. Это че?

К О С Т И К. Папа смешных зверей просто любит, не обращай внимания.

И тут С о ф к а поняла, что живет прямо как этот самый кот. Икает и пукает. Просто жель. На фиг так жить.

17

Бегут. Эти двое все еще бегут и будут бежать вечно. Падать, снова вставать. И будут бежать быстрее самого времени. Потому что они так не хотят умирать. Они так сильно хотят жить вечно и быть вечно молодыми, что готовы бежать быстрее скорости света. Только бы их не догнали! Никто и ничто.

Красиво. Как это красиво. И ты где-то тут, где-то рядом. Бежишь, и где-то впереди видно твою курчавую черную голову. Милый, если мы будем так бежать и дальше – мы вырвемся из всех симуляций, никто больше не будет парить нам мозг той реальностью, которую многие считают настоящей. Но мы-то с тобой знаем, что это не так. Мы-то с тобой знаем, что есть еще куча реальностей. Но это все неправда. Правда – это только мы. Вдвоем. Мы, бегущие быстрее времени и света. А может, это не мы, а кто-то другой... Но кто-то же должен из нас всех вырваться! Кто-то должен жить вечно.

18

С о ф к а забегает в квартиру, даже не закрывает дверь. Из-за двери появляется Л а р и с а. С о ф к а достает большой чемодан и скидывает туда все вещи, которые только может.

ЛАРИСА. Уезжаешь? Ну и правильно. Чего тут сидеть? И я бы тоже уехала, но у меня мама. Она вот лежит. Сегодня вот говорит, что я детей не покормила. Я ее спрашиваю: «Каких детей, мама?» А она говорит, что вот же, на шкафу сидят: Вася, Рита, Петя и Митя. Вот сидят на шкафу и целый день некормленные. А я ей говорю: «Мама, давно покормила, они врут все!»

С О Ф К А. Простите, тетя Лариса, не успеваю.

ЛАРИСА. Да, конечно.

Молчание.

А вот я никак не пойму, ну все же знают, что у меня горе такое. А мне хамят. Представляешь, Софочка, есть тут две хамки в подъезде. И вот я не понимаю, как можно хамить, когда у человека горе?

С О Ф К А. Не понимаю. Я не понимаю, тетя Лариса. Я не понимаю! Не понимаю!

Она хватает рюкзак, кидает туда какое-то одно платье и выбегает. Она бежит ночью. Тепло. Лето. Она выбегает на перекресток. Проезжают мимо машины. С соседнего вокзала объявляют поезда. Она стоит и не знает, куда бежать дальше. Мимо нее пробегают двое. Девушка и юноша. Она смотрит им вслед, а их уже не видно. Но сама остается на месте. И никуда не бежит. Слушает, как машины едут.

Слышит гудки поездов.

19

Л а р и с а в своей квартире, рядом со своей мамой. Она смотрит в окно, там написано: «Агата, ты мудака». Л а р и с а поворачивается к маме. Берет плойку, накручивает ей кудряшки.

ЛАРИСА. Мам, если оставаться на месте, то можно тоже время обхитрить. Вот сколько уже времени ты старая? Целую вечность. Вот легла, такая тяжелая. Тебя теперь сама смерть не поднимет. И никогда не умрешь. А потом я рядом с тобой лягу, тоже тяжелая буду. И тоже не найдет нас с тобой смерть. Прости, мама, что говорю тебе так страшно. А ты знала? Я по телевизору смотрела. Говорят, что мы живем в большой иллюзии и что мы все сами – проекции. Нас нет на самом деле. Представляешь? Мы просто как будто снимся какому-то большому компьютеру. Представляешь, мама? А потом перестаем ему сниться и умираем. И какой-то ученый хочет выйти из этого. Ну как в фильме, помнишь, я тебе давно показывала? «Матрица». Говорят, что это все правда. Может, и правда. А может, нас с тобой и нету совсем. А может, правы все. Надо бежать. Может, тогда надо бежать было? Почему ты не дала мне, мама? Я так хотела уехать. И совсем не хотела вот этого всего. Мама, давай я просто лягу тут. Ну, я себе тоже красоту наведу. И лягу с тобой. И никогда не умрем мы. Будем тут лежать. И все. И никто не узнает. Никто.

КОНЕЦ